

Грачкова К.А.

Семантика дерева в джайнизме

Тема священного древа – одна из вечных тем в искусстве человечества. Представление о его сакральности и особой связи со всем сущим нашло свое отражение в огромном количестве традиций и ритуалов, встречающихся повсеместно, с участием как собственно деревьев, так и ветвей или цветов. Не исключение и Южная Азия, и еще более конкретно, индийский субконтинент, где религия издревле была тесно переплетена с культом растительности. Как показывают археологические находки, еще в Хараппской цивилизации священное место состояло из огороженного участка вокруг дерева. Подобные места были также широко распространены в Индии во времена Махавиры. Джайнизм не смог ослабить религиозную значимость культа деревьев, и был вынужден инкорпорировать его и тем самым легитимизировать. Однако сразу следует оговориться, что ни одно дерево не было священным само по себе, но всегда почиталось ради того, что оно подразумевало и означало. Оно участвовало в трансцендентной реальности, воплощало ее созидательную силу, которая всегда возрождалась в бесконечном разнообразии форм и никогда не исчерпывалась[1]. Поскольку дерево в джайнизме встречается в различных ипостасях и чрезвычайно нагружено символизмом, мы постараемся разобрать наиболее часто встречающиеся случаи.

Два из пяти благих моментов в жизни каждого тиртханкара тесным образом связаны с деревьями. Речь идет об отречении от мира и об обретении абсолютного знания в процессе медитации под деревом. Дерево озарения в джайнизме носит название *кеваладжняна врикша*, а дерево, под которым происходит инициация будущего Джинны – *дикша врикша*. У каждого тиртханкара они различны и строго кодифицированы в особых списках. Более того, до появления особых иконографических черт скульптуры тиртханкаров распознавали именно по изображениям этих деревьев[2]. С моментом рождения тиртханкара, отречения последнего от мира и достижения им всеведения связаны также деревья, растущие у ворот собрания небожителей. Эти небесные деревья начинали сильно раскачиваться, знаменуя одно из этих важных событий[3]. Почему же джайнизм отводил такую значительную роль именно деревьям? По мнению Элиаде, наиболее примитивные из известных нам «святых мест», представлявшие микрокосмос, выглядели как ландшафт из камней, воды и деревьев. Уже на этой ранней стадии древо представляло собой космологический символ, являя собой или ядро композиции или же очерчивая периферию центра. И если вода сопоставлялась с хаосом, то дерево, напротив, с разрастающимся из него космосом, и эта концепция впоследствии вошла в традицию изображения мироздания. Со временем же такое святилище сократилось до лишь одной из своих составляющих – дерева или столба, символизирующего *Axis Mundi*[4]. Включив в себя древние народные верования, джайнизм перенял и этот важный мотив. Дерево стало своего рода символом *Траса-нади*, т. е. центральной оси обитаемой Вселенной, по которой перемещаются души между смертью и новым рождением, и, следовательно, сообщение между Небом, Землей и Адом могло производиться только близ него. Кроме того, и сама поза Джинны напоминает нам ствол дерева. Голова, торс и ноги стоящего тиртханкара образуют вертикальный стержень, в то время как его фигура в позе лотоса, более уравновешенна, «укоренена». Еще одна интересная подробность, связанная с растительным символизмом, заключается в том, что во время принятия дикши, каждый тиртханкар вырывает все до единого волосы на своей голове, а царь богов Индра уносит их на небеса. То же самое в случае с Буддой, с той лишь разницей, что последний обривает голову, его уход от мира не так физически болезнен. Георгий Дмитриевич Гачев трактует этот акт как космологический, т. к. волосы своего рода пуповина, нити Земли, и, вырывая их, прерывается связь с мирским существованием. В то же время, попадая на Небо, волосы связывают его с аскетом, превращая в некое подобие космического дерева[5]. Учитывая же,

что волосы-корни располагаются наверху, это дерево оказывается перевернутым, как и в случае с космическим деревом, упоминаемым в Ригведе:

В бездонном (пространстве) царь Варуна с чистой силой действия

Держит прямо вершину дерева.

(Ветви) направлены вниз. Их основание – наверху.

Да укоренятся в нас лучи![6]

Интересно будет отметить, что подобную же идею о перевернутом дереве Петр Бальцеро-вич усмотрел в концепции «*лока пуруши*» или космического человека – образе обитаемого космоса в джайнизме. Напомним, что джайны изображают космос в виде человека, чаще всего мужчины, стоящего с расставленными ногами и держащего руки на бедрах. Происхождение лока пуруши до сих пор остается загадкой, но первые его изображения встречаются уже в V в. до н. э. Польский ученый считает данный образ явной аллюзией на дерево, перевернутое вниз, и связывает это с влиянием наследия ведийской культуры в местах, где возник джайнизм[7]. Также он указывает на существование в ведийской литературе идее о человеке, сравниваемом со *скамбхой*, космическим столпом, который мог стать прообразом джайнского лока пуруши.

Немаловажным является тот факт, что в джайнских храмах почитаются деревья и без изображений, связанных с ними тиртханкаров. Это могут быть как настоящие деревья (например, дерево Ришабхи на горе Шатрунджая, под которым согласно мифу Джина прочел свою первую проповедь), так и их скульптурные аналоги.

Будучи тесно связанными с просветлением, деревья стали частью мифической *самавасараны* – зала религиозного собрания, строившегося богами для достигшего всеведения тиртханкара. Там небесные существа, люди и животные собираются, чтобы внять первым словам Просветленного. Самавасарана представляет собой пирамидальное сооружение, на вершине которого располагается четырехстороннее изображение Джини под деревом. Скульптура ориентирована по четырем сторонам света и, соответственно, раскрывает всеобъемлющий характер учения. А присутствие в композиции дерева вновь подчеркивает идею Центра. Отметим и еще один крайне важный момент: до того, как занять свое место перед слушателями, Махавира трижды обходит дерево, под которым обрел всеведение, выказывая ему, таким образом, дань уважения. Сложно умалить значение этого действия, ведь ни одно другое существо в мире не может претендовать на такое почтение со стороны тиртханкара – высшего существа.

В джайнской мифологии также очень важным мотивом является дерево, исполняющее желания – *кальпа врикша*. В Джамбу-двипа-праджняпти сутре упоминается десять таких деревьев, растущих в разных частях Вселенной[8]. Они удовлетворяют все нужды человека в еде, одежде, драгоценностях и т. д. и служат своего рода символом «золотого века». Их плодоношение связано с эпохой блаженства, а постепенное засыхание с раздорами, войнами и вырождением. Другое дерево – джамбу, давшее название всему центральному континенту срединного мира, несет в себе очень явно читающуюся символику Axis Mundi, столпа, поддерживающего Вселенную. Существует огромное количество изображений этих деревьев, как в манускриптах и книгах, так и в рельефах. А в наши дни широко распространились металлические и бетонные скульптуры.

Многие якши и якшини, боги и богини иконографически связаны с различными растениями. А в джайнских храмах юга Индии до сих пор под деревьями устанавливаются камни, посвященные нагам – мифическим змеям. Кроме того, согласно джайнским преданиям, некоторые особые деревья служили своего рода знаменем, определяющим благоприятное место для основания города. Например, город Паталипутра, столица Магадхи, был построен на берегу Ганги, рядом с деревом патали, выросшим из семян, упавших в череп аскета Ан-

никапутры<[9]. Еще один интересный случай – дерево Ашоки, растущее возле храма города Пхалгат. Оно связано с инициацией Махавиры, а в шветамбарской традиции и с просветлением Малли. Но, кроме того, по местной легенде именно под этим деревом отдыхала Сита, когда ее похитил Равана. Это любопытный пример того, как индуистский эпос был переработан джайнами и связан с конкретным местом джайнской религиозной географии. Все эти деревья, как живые, так и искусственные, наделяются особым религиозным значением. Кроме того, среди низших форм жизни, в джайнской классификации, только деревья разделяют с человеком некоторые характеристики и могут достигать определенного духовного развития, ведущего к более высокому перерождению[10]. Для мифов, связанных с деревьями, характерны некие повторяющиеся вариации, позволяющие выделить их общую закономерность. Дерево включено в ситуации трансформации, например рождения, инициации и т.д. Вероятно, такие мифы являются воспроизведением ритуала, и дерево играет в нем необычайно важную роль, смысл которой все еще до конца не выявлен. Невероятно важен образ дерева и для космографии. Помимо упомянутых нами деревьев джайнской религиозной географии, не стоит забывать и о трехчленном делении дерева по вертикали. Так корни, ствол и крона, соответственно связаны с Адом, Срединной землей и Раем. Символизм дерева соотносится и с джайнским колесом времени, имеющим два этапа: восходящий и нисходящий. Первый – *утсарпини* — это эпоха счастья, второй — *авасарпини*, напротив, означает постепенное угасание мира вплоть до космического катаклизма. Здесь важно отметить, что в джайнизме мир не является творением богов, а существует извечно, не имея ни начала, ни конца. Меняются лишь циклы времени. И дерево как раз выступает символом бесконечного обновления космоса, ведь с наступлением нисходящей эпохи калпа вкриши увядают, чтобы вновь начать плодоносить в утсарпини. В общем, можно заключить, что образ дерева был избран не только как космический символ, но и, по словам М. Элиаде «как способ выражения жизни, молодости, бессмертия, мудрости и знания»[11]. Дерево, представлявшее Мировую Ось, являло собой незыблемый принцип, вокруг которого вращается космос, давая, таким образом, тиртханкару, находящемуся рядом с ним, возможность выйти за пределы сансарического бытия. Исходя из этого, мы делаем вывод, что изображение тиртханкара под деревом означает пребывание высочайших человеческих добродетелей в Центре Вселенной. Разумеется, данная статья не охватывает все проявления символизма дерева в джайнизме, и эта тема требует дальнейшего обширного исследования. Тем не менее, нами были описаны наиболее важные и показательные моменты растительного культа, прослежена связь джайнских религиозных представлений с общеиндийскими и освещены специфические представления, связанные с деревьями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ↑ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. С. 224.
2. ↑ Hegewald J. A. B. *Jaina temple architecture in India*. Bonn, 2013. P. 181.
3. ↑ Сthanанга-сутра // Jainism global resource center, 2011. – URL.: <http://www.jainworld.com/JWRussian/jainworld/Sthananga/chapter3d.asp> (дата обращения: 26.02.2016).
4. ↑ Элиаде М. Указ. соч. С. 191.
5. ↑ Гачев Г. Д. *Образы Индии: опыт экзистенциал. культурологии*. М.: Наука, 1993. С. 266.
6. ↑ Ригведа / подгот. Т. Я. Елизаренкова. 2 изд., исправ. М.: Наука, 1999. Мандалы I–IV. С. 29.
7. ↑ Balcerovicz P. *Art, myths and visual culture of South Asia*. Delhi, 2011. P. 114.
8. ↑ Hegewald J. A. B. *Op. cit.* P. 181.

- 9.↑ Рой А.К. История джайнизма // global resource center, 2011. – URL.: <http://www.jainworld.com/JWRussian/jainworld/jainhistory/ch6.asp> (дата обращения: 26.02.2016).
- 10.↑ Hegewald J. A. В. Op. cit. P. 181.
- 11.↑ Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 2002. С. 97.